

ПРАКТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Теоретический семинар

Кантовская идея метафизики нравов и границы практической философии

Тезисы доклада

А. К. Судаков

доктор философских наук, сектор философии религии, Институт философии РАН

1. В критической философии И.Канта практическая философия (этика, учение о нравах, или метафизика нравов) понимается как одна из двух основных частей системы «материальной» философии как разумного познания a priori, имеющая предметом всеобщие и необходимые законы свободной воли и, ввиду необходимости применения ее основоположений к природе человека, подразделяемая на чистую и эмпирическую дисциплины. Если теоретическое познание только определяет свой предмет и понятие о нем, то практическое познание, определяя предмет, делает его одновременно действительным; здесь сами понятия (идеи) обуславливают возможность опыта сообразной нормам деятельности. Поэтому практический закон есть принцип определения человеческого существования независимо от условий чувственного созерцания; акты самоопределения к действию необходимо предполагают трансцендентальную свободу, как способность самопроизвольно начинать ряд причин. Практическое употребление разума есть применение чистых категорий разума к свободе и субъекту свободы; разум в практическом употреблении определяет и делает действительной свободу разумного существа.

2. Однако в «Критике чистого разума» Кант не считает возможным включить практическую философию в состав системы чистого познания разумом: практические понятия относятся к предметам чувства удовольствия и неудовольствия, отнюдь не относящегося к способности представления; кроме того, понятия удовольствия, склонности, желания имеют эмпирическое происхождение; поэтому, даже не полагая этих понятий в основание этических норм, практический философ не может не ввести их в состав системы этики. Поэтому (даже чистая) практическая философия не составляет части системы трансцендентальной системы метафизики. Более того, в первой «Критике» Кант всерьез сомневается в действительности подлинно чистого, и потому не основанного на принципах природы человека, практического закона, который бы можно было положить в основание критической метафизики нравов. Философия свободы есть здесь поэтому сугубо гипотетическая идея практической философии.

3. «Основоположение к метафизике нравов» делом доказало если не реальность, то действительную мыслимость чистого рационального принципа нравов, представив его теоретическую дедукцию. Практический разум, в качестве способности суждения, признает известное действие добрым, т.е. объективно практически необходимым, для субъекта, в качестве же собственно практической способности, определяет его способность желания. Если такое определение воли неполно, и зависит от известных субъективных условий помимо закона разума, воля определяется законом, однако не подчиняется ему с необходимостью, и для совершения объективно необходимого действия требуется (само)принуждение. Представление объективного принципа добра как принуждающего волю начала есть, по Канту, веление, а формула веления есть императив. Все императивы выражаются через долженствование и выражают отношение объективных законов доброй в каком-либо отношении воли к несовершенству воли того или иного существа. Хотя кантовская установка в этике не допускает самодостаточной моральной теории условных

норм, которая бы не возникала как приложение чистой метафизики нравов к данностям человеческой природы, рефлексия прагматического самоопределения к действию вполне может разворачиваться в контексте и при предпосылке законодательства чистой морали разума; поэтому теория условных императивов вполне может составлять законный элемент кантиански чистой практической философии. Во всяком случае, для самого Канта времен «Основоположения» ее принадлежность к практической философии, как он ее понимает (а не к приложениям физики, биологии либо теории хозяйства) не вызывает сомнения.

4. В то же время, именно начиная с «Основоположения», Кант неизменно подчеркивает необходимость очищения метафизики нравов, или «системы чистой нравственности», от всех эмпирических элементов, и на необходимости чисто априорного и строго формального обоснования принципов практической философии. Этот пафос освобождения от эмпирического совершенно закономерен и необходим при исходных установках кантовского априоризма в этике; однако он требует осмысления того, в каком отношении, а потому и в каких пределах, возможно, оправдано и предметно необходимо отвлечение от эмпирических основоположений и познаний именно в практической философии, как рефлексии осуществления полностью определенной идеи разума (практического идеала). Требование методического отвлечения от эмпирии (не принимать познаний эмпирических научных дисциплин за *основоположения практической философии*) необходимо строго отличать от требования содержательного отвлечения от эмпирии (при котором практическая философия не может содержать в себе познаний эмпирических наук даже просто как условий применимости *своих собственных* основоположений). При абстракции второго рода в пределах практической части философии остается поистине *только* кодекс чистых моральных законов разума, *и более ничего*. Однако, несмотря на то, что представление о кантовской морали как о «сухой теории» рационально-отвлеченных и вполне формальных императивов сугубо индивидуальной морали является распространенным стереотипом в истории философии и в обучении философии, - сам Кант именно в своем качестве этика и моралиста понимает отвлечение практического философа от эмпирии чаще в первом смысле. К этому склоняет, во-первых, потребность применения «морали», как конкретной системы норм, к природе человека и к ситуациям повседневности; во-вторых, трансцендентально-практический идеал разума, который, как практическая идея, ориентирован на воплощение нормы в действительности, а именно – в «действительных актах». Наконец, само определение кантианской этики как теории безусловного долга и учения об обязанностях исключает радикальное отвлечение от данностей человеческой природы (пусть даже понимаемой в специфически кантовском, этико-идеалистическом, смысле).

5. Тем не менее, начиная с «Критики практического разума», Кант предпринимает попытку радикального очищения этики, а ввиду негласного отождествления ее с практической философией – и всей чистой практической философии, от эмпирических *содержаний*. Вторая «Критика» отказывается признавать гипотетический императив, предполагающий объект воли ее определяющим основанием, подлинным практическим законом. Максима произволения, следующего гипотетической норме, подозревается в гетерономии, считается *противоположной* моральному умонстроению. Затем «Первое введение в Критику способности суждения» проводит строгую границу между положениями, содержащими только то, что возможно согласно законам природы, и в частности, правилами, рассматривающими человеческую волю только как разновидность природных причин, и положениями, содержащими то, что возможно лишь согласно законам свободы, и дающими закон свободе, представляющие как объективно необходимое определение действия сознанием его чистой формы. Положения первого рода, - а значит, и все возможные гипотетические практические нормы, - Кант считает теперь относящимися к сфере философии природы. Моральный закон (законы) оказывается при таком подходе буквально *единственным возможным содержанием* кантианской практической философии. Проблематичность этого подхода обнаруживается, однако, в том, что этот

взгляд означает безоговорочное отнесение к ведению теоретической философии не только философской теории условных норм, но и философского понятия об истории (если только оно допускает рассмотрение истории человечества как процесса, направляемого естественными мотивами и законами), и философии права (если только эта философия допускает, что право принципиально *может* обходиться без специфически этического способа мотивации к поступку), и философии религии. При этих условиях вернуть эти философские дисциплины в поле практической философии можно только одним путем – посредством их этической редукции. То обстоятельство, что Канту в поздние годы удалось построить названные разделы системы своего этического идеализма, избежав при этом такой редукции, свидетельствует о том, что *радикальные* выводы из собственной установки в практической философии сам Кант достаточно уверенно признал *недействительными*.